

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation

Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 245-253, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Russia's Territorial Size as a Concept for International Politics: Nikita Panin's Northern System (1760–1770)

Konstantin D. Bugrov

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Russian Federation
Prospekt Lenina 51, Ekaterinburg, Sverdlovsk Region, 620002
Dr. (History), Researcher
E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Abstract

The actual paper deals with the issue of conceptual grounds of Russian political thought in its international aspect. The author argues that Russian politicians of the 18th century were paying special attention to the fact of Russia's unique territorial size, which was used as a conceptual basis for building a distinctive model of international policy for the Empire. The 'Northern System', installed by Nikita Panin, a prominent statesman at the court of Catherine the Great Russian who masterminded Russian foreign policy from 1764 to 1779. The author demonstrates that Panin understood Russian Empire as a territorial giant which doesn't need expansion of its borders anymore and therefore could propose a diplomatic system based on stability, peace and commerce. That system was putting emphasis upon the concision of Russian diplomatic domination and the 'natural interests' of the states of Northern and Eastern Europe. The similar understanding of Russia's uniqueness in terms of territorial size would become a basis for proposing similar models for international regulations, in which Russia's vast size was to be seen as a precondition for a role of a peacemaker rather than expansionist.

Keywords: Northern System; international regulation; Russian diplomacy; Nikita Panin; Catherine II; partition of Poland; expansion; geopolitics; territorial space.

Введение

Известный американский специалист по российской истории Дж. Ле Донн в работе «The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831» (2004) характеризовал стремительный рост территории России в XVII–XVIII вв. как тягу к «доминированию в Хартленде¹», вдохновленную одновременно римскими и монгольскими примерами. Безапелляционный тон таких замечаний, впрочем, был смягчен жалобами Ле Донна на то, что документы XVII–XVIII в. «содержат очень мало того, что могло бы быть полезным при конструировании парадигмы большой стратегии... интегрированного военного, геополитического, экономического и культурного взгляда» [1]. Это не помешало американскому исследователю декларировать наличие у России собственной «гранд-стратегии», скроенной на римско-монгольский манер – так, словно мысль о перманентной экспансии была для российских элит естественной. Но даже если характеристика Российской империи как «военно-фискального государства» [2] является верной, это не позволяет считать внешнюю политику России детерминированной.

Методы и материалы

В связи с обозначенной проблемой, уместно обратиться к анализу поведенческих моделей, мотиваций, а также социальных и политических представлений, на которых основывались действия конкретных исторических акторов, влиявших на российскую международную политику в XVIII–

¹ Геополитический термин, обозначающий центральное пространство Евразии.

XIX вв. Перспективными в данном отношении являются методы интеллектуальной истории и «истории понятий», нацеленные на детальную реконструкцию значений понятий и речевых единиц, присутствующих в источнике. Такая реконструкция опирается на тщательное изучение контекста тех или иных высказываний, а также интертекстуальных связей. В настоящей статье эти методы применяются для изучения обширного комплекса текстов, вышедших из российского дипломатического ведомства (письма и инструкции российским послам, отчеты и «мнения», письма к государям сопредельных держав) и отразивших представления российской элиты 1760–1780-х гг. о территориальной протяженности государства.

Вестернизация России на рубеже XVII–XVIII вв. сформировала секулярное пространство российской культуры, открывая компаративную перспективу и вытесняя былые представления об уникальности России как единственного царства истинного христианства. В свою очередь, сравнение предполагает формирование новой идентичности, осознание специфики в единых категориях, делающих сравнение обоснованным и весомым. Одним из ярчайших отличий России от других европейских держав была ее территориальная обширность. Особенно важным этот фактор представляется в силу того, что одна из наиболее влиятельных традиций европейской социально-политической мысли (восходящая к Аристотелю и Цицерону и проходящая красной нитью через последующую историю Европы) придавала ключевое значение связи между социально-политическими, экономическими и географическими характеристиками, среди которых территориальная протяженность занимает одно из важнейших мест.

Каким же было представление руководителей Российской империи о территориальной протяженности государства? Ниже этот вопрос будет рассмотрен на примере политических воззрений одного из наиболее ярких государственных деятелей России этой эпохи, Н.И. Панина – руководителя коллегии иностранных дел в 1760–1770-х гг. и создателя знаменитой Северной системы российской внешней политики.

Обсуждение

Северная система часто удостаивалась нелестных характеристик от исследователей – например В.О. Ключевский описывал ее так: «Северные не католические государства, впрочем со включением и католической Польши, соединялись для взаимной поддержки, для защиты слабых сильными. Боевое назначение, прямое противодействие южному союзу лежало на главах северного союза, “активных” его членах, на России, Пруссии и Англии; от государств второстепенных, от “пассивных” членов, каковы Швеция, Дания, Польша, Саксония и другие мелкие государства, имевшие присоединиться к союзу, требовалось только, чтобы они при столкновениях обоих союзов не приставали к южному, оставались нейтральными. Это и была на шумевшая в свое время северная система». Самого Панина Ключевский в той же лекции охарактеризовал следующим образом: «Это был дипломат-белоручка, и так как его широкие планы строились на призраке мира и любви между европейскими державами, то при своем дипломатическом сибаритстве он был еще и дипломат-идиллик, чувствительный и мечтательный до маниловщины» [3].

Такая характеристика не может вызывать удивления: указание на наличие какой-то системы воспринималось историками-позитивистами рубежа XIX–XX вв. как проявление кабинетного догматизма [4]. Тем не менее и сегодня оценки Северной системы разнятся от критических [5] до позитивных [6], и даже позитивные оценки, в свою очередь, четко отделяют «доктринальные» элементы системы от полученных с ее помощью практических выгод.

Представляется, что более перспективным является именно анализ представлений Панина о международной политике и месте России в мире на основании тщательного изучения понятийной структуры его текстов в соответствующем историческом контексте. «Доктринальные» элементы системы Панина, а вовсе не проставление оценок в категориях «исторического успеха» *post factum*, являются, по моему мнению, наиболее интересным предметом исследования, позволяющим лучше понять те принципы и соображения, вокруг которых была организована российская международная политика России в 60-е – 70-е гг. XVIII в.

Прежде всего, Панин считал Северную систему не искусственной системой союзов, а совокупностью международных отношений на севере Европы, опирающейся на «натуральный интерес» государств – вне зависимости от того, заключены соответствующие союзы или нет. Так, Панин сурово критиковал советников польского короля Станислава Понятовского, которые «по одной только привычке к предубеждениям и к своей персональной преданности хотят насильствовать все политические правила и резоны настоящего положения своего короля с общим сопряжением всей северной системы и влекут его в узы мнимой дружбы с такими державами, которые как никогда ни истинного желания, ни достаточной возможности иметь не могут его действительно подкреплять, так напротив того всегда готовы будут возбуждать всякия замешательства между им и его соседними державами, в чем кажется уже не без большого успеха действуют» [7]. Конечной целью российской политики в рамках Северной системы, на взгляд Панина, было «приближение к совершенству единомыслия всех тех дворов, которые пекутся о северном покое и о всенародной тишине» (*repos du nord et la tranquillite generale*) [8].

Если существует «натуральная» система международных отношений, служащая почвой для объединения государств на основании взаимной пользы, то существуют и «извращенные», ложные представления правителей о собственных интересах, навязываемые извне. На этом концептуальном противопоставлении – «натуральный интерес» против манипуляции извне – и были основаны представления Панина о международной политике. Рассмотрим его на двух следующих ниже примерах отношения Панина к Великобритании и Франции.

Ключевым пунктом Северной системы оставалась симпатия к Великобритании, которую Панин считал «натуральнейшею России союзницею». Так, сожалея о провале переговоров с Великобританией относительно торгового трактата в 1766 г., Панин замечал: «Обоюдные наши нужды завсегда настоя, установят взаимственное различие, которое мы учиним между собою и другими нациями, и сохраняют в своей силе те политическия сопряжения, которыя нас соединяют <...> Никакое препятствие не может отделить российскую политическую систему от великобританской» [9]. Вместе с тем Панин не питал иллюзий в отношении британской политики, регулярно упрекая лондонских политиков в цинизме и близорукости, отвергая ссылки на волю парламента как пустые «претексты». В самом конце своей карьеры, в докладе коллегии иностранных дел «Положение настоящее дел Английских и воображаемое Бурбонских домов возвышение», Панин подвергнет британскую политику язвительной критике.

В «постскрипте» Панина от 27 октября 1768 г. И.Г. Чернышеву, направленному послом в Лондон, шеф российской внешней политики разъяснял «начальные наши политическия правила»: «Локальное положение земли, ея народа, на форме правления основанный образ мыслей и существительныя из земли произрастаемыя силы и ресурсы, определяют несумненно то самое существо, которым каждая земля себя почитать должна». Следовательно «как Англии невозможно никогда себя главнейше счесть сухопутною державою, так и мы напротив того не потеряв всех наших авантажей, составляющих настоящую нашу в Европе знатность, равно не можем облечься в одни виды морской державы». От союза России и Великобритании зависит европейский баланс сил: «В конекции европейской политической системы Англии надобны и нужны наши превосходныя сухопутныя силы» [10]. Такое признание, впрочем, не помешало российской дипломатии позднее, когда Великобритания попыталась на деле прибегнуть к российским «сухопутным силам» во время войны в Америке, отказать «натуральнейшей союзнице» в этой просьбе. В докладе коллегии иностранных «Положение настоящее дел Английских и воображаемое Бурбонских домов возвышение, должныя обращать Внимание наше на все события, от того последовать могуция» от 31 июля 1779 г.¹ – одном из последних обширных текстов, созданных Паниным – подробно рассматривался ход войны между Великобританией и коалицией Франции, Испании и США. Характерно, что Панин, признавая, что победить Великобританию у Франции не получится, одновременно беспощадно критиковал политику британского правительства – близорукую, беспорядочную и основанную на вере в то, что «к случаю и ко времени гиней достанут ему всегда союзников». Такая политика, пригодная – по ядовитому замечанию Панина – для мелких германских княжеств, но не для великой державы, разрушает британскую «инфлюэнцию» на континенте, озлобляет нейтральные государства и не может объясняться ничем иным, кроме «внутренняго и надменнаго его удостоверения, что собственныя силы Великобритании во всяком разуме достаточныя равновесить силам неприятелей ея». Но здесь Панин переходит к типичному для себя обобщению: «Подлинно чрезвычайныя пособия, которые она извлекая из себя самой, повсегодно вновь открывает и умножает без порвания струн, должныя убедить свет, что таковое удостоверение не несправедливо. С которой стороны ни взять, везде встречается достаточная сила или к обороне, или к наступлению» [11]. Несмотря на все просчеты британских политиков, у Великобритании хватит сил справиться с враждебной коалицией собственными силами – таков ее потенциал, подкрепленный геополитическим положением: «Само положение Британских островов «необходимо уже навсегда сотворяет их и первую морскою и первую коммерческою державою». «Натуральные» факторы в международной политике перевешивают любые сиюминутные политическия комбинации, и даже близорукая политика Лондона не способна разрушить величие Британии, устойчиво покоящееся на объективных социальных, экономических и географических основаниях.

Антиподом Великобритании в Северной системе выступала Франция, о которой в упомянутом выше «постскрипте» Чернышеву сообщалось: «Хочет она еще пламя военное и не разлучныя с оным народныя бедствия распространить далее на том намерении, чтоб напоследок завести генеральную войну на всей твердой земле Европы, а, по крайней мере, в здешнем ея краю, яко заключающем в себе главную часть всех сухопутных военных сил, дабы истощевая одну державу против другой, а сама с Гишпаниею оставаясь в покое, доставить себе на общем их изнеможении большую, нежели бы инако быть могло, свободу и способность ударить потом на Англию с превосходными силами» [12].

¹ Полагаем, что именно Панин был основным автором этого текста; на его авторство указывают пространные рассуждения о Великобритании, ее внутреннем положении и ее естественной связи с российской политикой, характерные для рассмотренных выше представлений Панина о месте России в мире, а также тот факт, что завершающая часть доклада посвящена Северной системе и написана в довольно-таки менторском тоне.

Таким образом, система Панина основывалась на том соображении, что «натуральные» интересы России позволяют оставаться в мире, тогда как иностранное (прежде всего – французское) влияние втягивает европейские государства в войну за навязанные им ложные цели. Задача российской дипломатии – противодействовать французской «инфлюэнции». Удержание соседних с Россией государств в «натуральном» положении, при котором они остаются недоступными для попыток Бурбонов втянуть их в войну. В конце 60-х гг. XVIII в., во время усиления прусского давления на польские границы, Екатерина II старалась удержать польского короля Станислава Понятовского от необдуманных шагов с помощью аргументов, почерпнутых из концептуального арсенала Панина: Речи Посполитой следует опасаться Пруссии, но именно поэтому поддерживать с Пруссией мирные отношения жизненно важно, так как прусский король все равно сильнее польского [13]. Эти откровенные аргументы означают, что для российских политиков мирное сосуществование соседей в известной степени вытекало из самого факта неравенства их сил.

Именно в таком контексте обретают смысл часто исходившие из Санкт-Петербурга заявления о том, что российская политика имеет теперь принципиально новый, самостоятельный, характер и о том, что «мы ни за кем хвостом не тащимся». Выход из Семилетней войны означал не просто смену союзников (условно говоря, замену Австрии на Пруссию), но решительное обновление курса, который отныне исключал для России возможность быть втянутой в войну помимо явной необходимости обороняться, и отказ предоставлять иностранным державам возможность использовать мощные российский военный ресурс для достижения их целей территориального расширения.

В императорском рескрипте послу в Лондоне Гроссу от 5 ноября 1764 г. характер Северной системы разъяснялся следующим образом: «Сию систему полагаем мы в том, чтоб сколько возможно соединиться северным державам непосредственными между собою союзами и тем мимо бурбонскаго и австрийскаго домов составить твердое в европейских делах равновесие, а тишину северную и совсем освободить от их инфлюэнции, которая толь часто производила в оной бедственные следствия» [14]. В рескрипте послу в Варшаве Репнину от 11 ноября 1764 г. отмечалось, что именно с помощью этой системы «генеральный покой, равновесие и независимость целой Европы сохраняемы быть должны противу столь важнаго и знатнаго соединения Бурбонскаго дома» [15].

Это соображение, в свою очередь, опиралось на уверенность: территориальное расширение России не интересует, а «натуральный интерес» сопредельных государств диктует им оставаться в мирном положении, развивая торговлю с соседом, превосходящим их в военной силе. Напротив, европейские государства, опутанные сетями взаимных территориальных претензий, династических прав и застарелых конфликтов (тлеющих как в Европе, так и в колониях), стремятся к войне для решения своих территориальных проблем. Особый циркулярный рескрипт от 9 ноября 1763 г. был посвящен рассеиванию слухов о том, что Россия намеревается вместе с Пруссией отторгнуть от Речи Посполитой приграничные провинции: «Такия рассеиваемыя лжи не заслуживают нашего уважения, потому что свет уже удостоверен, коим образом мы, вступя на всероссийский имп. престол, главным предметом положили стараться не токмо о соблюдении с соседними с нами державами доброй дружбы, но и о возстановлении общей тишины, которою теперь весь человеческий род и наслаждается; намерения же нашего никогда не было, да и нет в том нужды, чтоб стараться о расширении границ империи нашей, – она и без того составляет нарочитую часть всего земнаго круга; а только старание наше простирается к тому, чтоб многия в империи нашей лежащия, к человеческому обитанию весьма удобныя, но к сожалению еще необитаемыя земли населить и привести в цветущее состояние» [16].

Об этой позиции из Санкт-Петербурга регулярно напоминали российским послам за рубежом. Например, в инструкции российскому послу в Саксонии А.М. Белосельскому от 2 мая 1768 г. отмечалось: «Россия таких раздробленных и разнообразных интересов, как в самой Германии, так и во всей христианской части в Европе, не имеет, каковы суть интересы других держав» [17]. Под «другими державами» подразумевались Франция и Австрия; саксонцам предлагалось «натурально желая мирными выгодами пользоваться, нежели отваживать себя в новыя дальности, не без помышления находится обнадежить себе твердость онаго и защиту теснейшим согласием с Россиею». Аналогичная формулировка в несколько усеченном виде (опущены были инвективы по адресу Франции и Австрии) была включена в инструкции направленному в Мадрид послом О. Штакельбергу, а также уже упомянутому послу в Лондоне И.Г. Чернышеву (1768) [18].

Война с Османской империей 1768–1774 гг. расценивалась Паниным как политическая ошибка Константинополя, втянутого в войну французской интригой. Еще в рескрипте от 26 апреля 1764 г. посланнику в Константинополе А.М. Обрескову Панин называл «кровавопролитной войной по чужестранным интересам, которая только в пагубу человечеству обратилась» войну 1737–1739 гг. между Австрией и Россией, с одной стороны, и Турцией – с другой [19].

И в инструкции назначенному уже после войны послом в Константинополе Н. П. Репнину от 24 апреля 1775 г. отмечалось: «Окончив толь славно и толь счастливо войну тягостную, положили мы отныне впредь непоколебимым правилом государственной нашей политики упреждать и отвращать по крайней возможности все поводы и причины к повреждению мира и добраго согласия со всеми окрестными державами». Политика в отношении Турции заключалась в том, что «Россия отнюдь и ни в чем не желает ущерба ея интересам, ея знатности и ея владениям, ибо система политическаго

нашего поведения не имеет сама по себе нужды в подчинении ей инфлюэнции других дворов, в чем напротив того Франция, всегда безпрестанно работая, сделала себе не искореняемую уже ничем привычку сорить между собою разныя державы, дабы чрез то на все стороны быть нужною и искомою» [20].

Например, в ходе политического кризиса в Швеции 1766 г. Панин предлагал послу в Стокгольме Остерману (в депеше от 19 мая 1766 г.) поддержать пророссийскую партию «колпаков» в шведском риксдаге с помощью декларации примерно такого содержания: «Ея имп. в-ство всероссийская... всему свету довольно показала, сколь совершенно она тем довольна, что имеет из руки Господней для благополучия многих народов; что потому ея в-ство отнюдь никаких видов не изволит иметь к распространению своей воли и власти, будучи паче главное и единственное положение всех ея политических правил основано на попечении сохранять и утверждать тишину и благоденствие не только внутри пределов империи своей, но сколько можно и в пользу всего рода человеческого, а особливо окрестных народов; что как она таким образом блаженство рода человеческого поставляет выше всего, то для поспешествования оному, не будет конечно никогда жалеть и оставлять втуне всех к сему великому предмету удобных способов» [21].

Итак, Северная система нацелена на мир и поддерживается двумя державами, которые не заинтересованы в конфликтах на континенте – Россией и Великобританией. Россия, в свою очередь, является миролюбивой не от слабости, а потому, что ее интересы не связаны с конфликтами в Европе. Панин отмечал две специфические черты российской международной политики – географическую и историческую. В географическом смысле Россия – крупнейшая держава Европы – не нуждалась в новых провинциях и, следовательно, не имела интереса в расширении территории за счет других государств. Кроме того, исторически у России не было сложной сети интересов, территориальных анклавов, династических претензий, которая постоянно провоцировала конфликты между старыми европейскими державами. Эти параметры определяли отсутствие заинтересованности России в конфликтах, о чем и рекомендовалось помнить послам, направляемым в иностранные государства.

Ключом к мирному сосуществованию держав Панину представлялась взаимная торговля. В той части инструкции послу во Франции И. С. Бярятинскому, которая касалась российско-испанских отношений, было указано, что возможностей рассчитывать на улучшение отношений между держава пока не имеется, «когда взаимная их коммерция в самом еще младенчестве» [22].

Итак, Северная система, в значительной степени определявшая конкретные действия российской внешней политики в 60–70-е гг. XVIII в., была основана на нескольких концептуальных допущениях Н.И. Панина: осознании исключительной территориальной протяженности Российского государства и вытекавшим отсюда отказом от экспансии; понятии «натурального» интереса, обеспечивающего мирное сосуществование между Россией и ее соседями; разделением держав на «активные» и «пассивные», в зависимости от их формы правления; признанием ключевой роли торговли в мирном сосуществовании держав.

Секретарь и сподвижник Панина по коллегии иностранных дел, Д.И. Фонвизин, приводил в апологетическом «Житии графа Никиты Ивановича Панина» (1784) мнение своего патрона о российской дипломатии: «Толь обширная империя, какова есть Россия, не имеет причины употреблять притворства и... единая только искренность должна быть душою ее министерии» [23]. В своем историческом контексте эта характеристика весьма красноречива: пресловутая «искренность» российской дипломатии была связана с представлениями Панина о том, что российская внешняя политика в силу экстраординарной территориальной протяженности Империи связана только с «натуральными» интересами соседних государств. «Притворство» же оставалось орудием дипломата Бурбонов, заинтересованных в захватах, войнах и общей нестабильности в Европе и, в частности, на российских границах. Следование «натуральному интересу» предполагало особую «искренность» российской дипломатии, тогда как дипломаты Бурбонов обречены все время внушать своим конфидентам ложные представления. (Это, впрочем, не мешало Панину и другим российским дипломатам виртуозно манипулировать мнением иностранных политиков с целью добиться наиболее выгодных для России результатов).

Первый раздел Речи Посполитой стал, по-видимому, ударом по системе, которую Панин тщательно выстраивал; шеф российской коллегии иностранных дел первоначально был противником раздела, инициатором которого оказался, по-видимому, король Пруссии Фридрих II, воспользовавшийся войной между Россией и Турцией [24]. Не вдаваясь в пресловутые поиски «виновника» раздела Речи Посполитой, отметим: вопрос о территориальном расширении воспринимался в Берлине и в Санкт-Петербурге по-разному.

Вопреки броской характеристике Ключевского, стиль мышления Панина, опиравшийся на рассмотренные выше концептуальные основания, был достаточно гибким. В конечном счете, даже раздел Речи Посполитой, против которого Панин первоначально выступал, оказался вписан в Северную систему. После того, как в Санкт-Петербурге возобладала точка зрения, отличавшаяся от воззрений Панина, шеф российской коллегии иностранных дел переключился на организацию раздела на тех условиях, которые в той или иной степени соответствовали бы его представлениям о российской международной политике; в процесс была вовлечена Австрия и раздел стал инструментом поддержания баланса между тремя державами. Например, в инструкции российскому

послу в Париже И. С. Барятинскому от 25 июля 1773 г. отмечалось: «Как свойство легкомысленных польских голов не позволило нам произвести и утвердить первый Ея Императорского Величества план в разсуждении республики, то есть, чтобы при национальных, следовательно же посторонними интересами не занятых королях, дать ей в Северной системе, следовательно же и во всех делах Европы, некоторый российским интересам содействующий активитет, в качестве державы второго ранга: то по сей неудаче, единственно от короля и нации Польских воспричинствованной, принужден был здешний двор... избрать другой план», заключающийся в совместном с Пруссией и Австрией округлении границ и превращении Польши в буферную зону между этими державами [25]. Мы наблюдаем здесь характерные черты представлений Панина о российской политике. Усилия Панина были направлены на то, чтобы раздел владений Речи Посполитой состоялся на условиях баланса: доли территории, присоединенные к Пруссии, Австрии и России, были насколько возможно равными, а жизненно важный для Речи Посполитой Данциг, несмотря на требования Фридриха II, остался под польским контролем [26].

Более того: Панин продолжал считать Северную систему успешно функционирующей даже в самом конце своей служебной карьеры, в уже упомянутом «Мнении»: «В сей Системе и Король Прусский, и Дания довольствуются из удостоверения внутренняго о превосходном интересе здешней Империи, занимать второе и третье место, являясь везде в сопутниках Ея Императорского Величества»; их «доверенность» «чрез толикое время ни единожды еще изменена не была». В докладе отмечалось, что прусский король «несколько лет сряду держал себя со всеми своими силами на готовой ноге к извлечению меча, сколь бы скоро Австрийцы противу нас тронулись», а «Дания равным образом оказывает себя при всяком случае усердным союзником России». Именно «сохранение таковых союзников, из которых один может справедливо почитаем быть в пользу России стражем с сухаго пути, а другой с моря, долженствует конечно быть и всегда оставаться первым правилом нашей политики, а когда сие так, то и нужно во всяком случае... благовременно и откровенно с ними сноситься и советовать об общих мерах, по крайней мере относительно до мира и тишины в Севере» [27].

Как отмечает Д. Гриффитс, «взгляд Никиты Панина на международные дела был характерен для неэкспансионистски настроенной части российского дворянства <...> Длительный мир, не требующее больших расходов расширение территории – вот средства Панина для возвращения внутреннего порядка и экономического процветания» [28]. Гриффитс – а вместе с ним и большинство исследователей – справедливо считает, что система Панина была оставлена Екатериной II, когда она сочла нужным перейти к более активной, более экспансионистской политике на южном направлении, стремясь в союзе с Австрией противостоять Турции. Северную систему сменил «Греческий проект», однако говорить необходимо не просто о смене внешнеполитических ориентиров или выбора союзников, но об изменении самого стиля мышления, концептуальных основ, вокруг которых строилась политика Империи. Этот вопрос был недавно с блеском проанализирован А.В. Мальгиным на примере южного направления российской политики при Екатерине II [29].

Заключение

Вопреки мнению Дж. Ле Донна, которое было приведено в начале настоящей статьи, правительственная документация России XVIII в. содержит достаточно данных, чтобы утверждать: российские элиты были способны вырабатывать цельные системы взглядов на задачи российской политики, роль и место Империи в мире. Одной из таких систем была Северная система Н.И. Панина, которая заложила основы более широкой интеллектуальной традиции, просуществовавшей – с определенными вариациями – до самого падения монархии Романовых. Детальный анализ стилей мышления российских государственных деятелей, формировавшего эту и другие политические системы, позволит избежать одномерных выводов о мифической «гранд-стратегии» России, заключавшейся в безудержном экспансионизме по всем направлениям.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых УрФУ в рамках реализации Программы развития УрФУ.

Примечания:

1. Le Donne J. P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831. NY: Oxford University Press, 2004. P. 1–9.
2. Dunning Ch. Were Muscovy and Castile the first military-fiscal states // Quaestio Rossica, 2014, № 1. P. 191–197.
3. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V. // Ключевский В. О. Сочинения. М.: Мысль, 1989. Т. 5. Лекция LXXVI.
4. Мальгин А. В. Присоединение Крыма к России в свете мотивов имперской экспансии // История и современность. 2013. № 1 (17). С. 45–68.
5. Елисеева О. И. Геополитические проекты Г. А. Потемкина. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 2000.

6. Виноградов В. Н. Дипломатия Екатерины Великой. «Мы ни за кем хвостом не тащимся...» // Новая и новейшая история, № 3, 2011. С. 131-150.
7. Письмо Н. И. Панина к кн. Репнину // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1887. Т. 57. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III (1764–1766). С. 447.
8. Письмо Н. И. Панина к кн. Репнину // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1887. Т. 57. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III (1764–1766). С. 451.
9. Перевод с письма его в-пр-ства Никиты Ивановича Панина к английскому посланнику кавалеру Макартнею, от 7-го февраля 1766 года // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1887. Т. 57. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III (1764–1766). С. 460
10. Постскрипт письма гр. Панина к послу графу Чернышеву // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1893. Т. 87. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть V. 1768–1769 г. С. 180.
11. Мнение Н. И. Панина, вице-канцлера Остермана и всех членов Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел о направлении внешней политики России, с характеристикой внешнеполитических отношений Англии к державам Северного союза. Копия. // РГАДА. Ф. 1274 «Панины – Блудовы». Д. 131. Л. 17-18.
12. Письмо графа Н. И. Панина к полномочному министру графу Остерману в Стокгольм // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1893. Т. 87. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть V. 1768–1769 г. С. 257.
13. Письмо Екатерины II к королю Станиславу Августу. По поводу несогласий его с Фридрихом II касательно таможен // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1887. Т. 57. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III (1764–1766). С. 257-263.
14. Рескрипт № 17 полномочному министру Гроссу в Лондон // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1887. Т. 57. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III (1764–1766). С. 63-64.
15. Рескрипт № 4 послу кн. Репнину в Варшаву // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1887. Т. 57. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III (1764–1766). С. 84.
16. Циркулярный рескрипт // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1886. Т. 51. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть II. 1763 и 1764 г. С. 102.
17. Инструкция из государственной коллегии иностранных дел отправляющемуся в Дрезден к курфюрстско-саксонскому двору чрезвычайным посланником, господину камер-юнкеру, князю Андрею Белосельскому // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1887. Т. 57. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III (1764–1766). С. 532.
18. Рескрипт графу Ивану Чернышеву // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1893. Т. 87. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть V. 1768–1769 г. С. 115.
19. Рескрипт № 14 резиденту Обрескову в Константинополь // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1886. Т. 51. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть II. 1763 и 1764 г. С.320-321
20. Инструкция чрезвычайному и полномочному послу при Порте Оттоманской князю Н.В. Репнину // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1911. Т.135. С. 362-363.
21. Деша Н.И. Панина к гр. Остерману // Сборник Императорского Русского исторического общества. М.: Универс. типография, 1887. Т. 57. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть III (1764–1766). С. 539.
22. Инструкция назначенному в Париж полномочным министром генерал-майору князю И.С. Барятинскому // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1904. Т. 118. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть VII. 1772–1773 г. С. 452.
23. Фонвизин Д. И. Жизнь графа Никиты Ивановича Панина // Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в 2 т. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. Т. 2. С. 279-289.
24. Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М.: Международные отношения, 2002. С. 131-133.
25. Инструкция назначенному в Париж полномочным министром генерал-майору князю И.С. Барятинскому // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1904. Т. 118. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Часть VII. 1772–1773 г. С. 450.

26. Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М.: Международные отношения, 2002. С.143-150.
27. Мнение Н.И. Панина, вице-канцлера Остермана и всех членов Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел о направлении внешней политики России, с характеристикой внешнеполитических отношений Англии к державам Северного союза. Копия. // РГАДА. Ф. 1274 «Панины – Блудовы». Д. 131. Л.31-33
28. Гриффитс Д. Никита Панин, русская дипломатия и Американская революция // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М.: НЛЮ, 2013. С. 447
29. Мальгин А.В. Присоединение Крыма к России в свете мотивов имперской экспансии // История и современность. 2013. № 1 (17). С. 67-68.

References:

1. Le Donne J. P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650 – 1831. NY: Oxford University Press, 2004. P. 1-9.
2. Dunning Ch. Were Muscovy and Castile the first military-fiscal states // Quaestio Rossica, 2014, № 1. P. 191-197.
3. Klyuchevsky V. O. The Course of Russian History. Part V. // Klyuchevsky V. O. The Works. M.: Mysl, 1989. Vol. 5. Lecture LXXVI.
4. Mal'gin A. V. The Inclusion of Crimea into Russia in the light of motives of Imperial expansion // History and Modernity, 2013, № 1 (17). P. 45-68.
5. Eliseeva O. I. The Geo-Political Projects of G. A. Potemkin. M.: Institute of Russian History RAS, 2000.
6. Vinogradov V. N. The Diplomacy of Catherine the Great. «We're not following anyone like one's tail...» // Modern History, № 3, 2011. P. 131-150.
7. N. I. Panin's letter to Prince Repnin // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1887. Vol. 57. Political Correspondence of Empress Catherine II. Part III (1764 – 1766). P. 447.
8. N. I. Panin's letter to Prince Repnin // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1887. Vol. 57. Political Correspondence of Empress Catherine II. Part III (1764–1766). P. 451.
9. A Translation of His Excellence Nikita Ivanovich Panin's Letter to English ambassador chevalier McCartney, from February 7, 1766 // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1887. Political Correspondence of Empress Catherine II. Part III (1764–1766). P. 460
10. A Postscript of count Panin's letter to ambassador count Chernyshev // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1893. Vol. 87. Political correspondence of Empress Catherine II. Part V. 1768–1769. P. 180.
11. The Opinion of N. I. Panin, vice-chancellor Osterman and all members of the Secret Expedition of the Collegium of Foreign Affairs regarding the foreign policy of Russia, with the characteristic of the diplomatic relations of England towards the states of the Northern Union. A copy. // Russian Archive of Ancient Acts. F. 1274. Unit 131. P. 17-18.
12. Count N. I. Panin's letter to the plenipotentiary minister count Osterman to Stockholm // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1893. Vol. 87. Political correspondence of Empress Catherine II. Part V. 1768 – 1769. P. 257.
13. A letter of Catherine II to the king Stanislaus Augustus. Regarding his disagreement with Frederic II on custom houses // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1887. Vol. 57. Political correspondence of Empress Catherine II. Part III (1764 – 1766). P. 257-263.
14. Rescript № 17 to plenipotentiary minister Gross to London // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1887. Vol. 57. Political correspondence of Empress Catherine II. Part III (1764 – 1766). P. 63-64.
15. Rescript № 4 to ambassador prince Repnin to Warsaw // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1887. Vol. 57. Political correspondence of Empress Catherine II. Part III (1764 – 1766). P. 84.
16. Circular Rescript // // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1886. Vol. 51. Political correspondence of Empress Catherine II. Part II. 1763 and 1764. P. 102.
17. An Instruction of the State Collegium of Foreign Affairs to plenipotentiary ambassador in Dresden, prince Andrey Beloselsky // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1887. Vol. 57. Political correspondence of Empress Catherine II. Part III (1764–1766). P. 532.
18. Rescript to count Chernyshev // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1893. Vol. 87. Political correspondence of Empress Catherine II. part V. 1768–1769. P. 115.
19. Rescript № 14 to resident Obreskov to Constantinople // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1886. Vol. 51. Political correspondence of Empress Catherine II. Part II. 1763 and 1764. P. 320-321
20. Instruction to plenipotentiary ambassador at the High Ottoman Porte prince N.V. Repnin // СИРИО. Т.135. С. 362-363.

21. Depeche of N.I. Panin to count Osterman // The Collection of Russian Historical Society. M.: University Typography, 1887. Vol. 57. Political correspondence of Empress Catherine II. Part III (1764–1766). P. 539.
22. An Instruction to plenipotentiary ambassador in Paris Major General prince I. S. Baryatinsky // The Collection of Russian Historical Society. SPb.: Typography of V. Kirschbaum, 1904. Vol. 118. Political correspondence of Empress Catherine II. Part VII. 1772–1773. P. 452.
23. Fonvizin D. I. The Life of Count Nikita Ivanovich Panin // Fonvizin D. I. Collection of Works in 2 volumes. M.; L.: Gos. Izd-vo Hud. Lit-ry, 1959. Vol. 2. P. 279–289.
24. Stegnyy P. V. The partitions of Poland and the diplomacy of Catherine II: 1772, 1793, 1795. M.: International Relations, 2002. P. 131–133.
25. An Instruction to plenipotentiary ambassador in Paris Major General prince I. S. Baryatinsky // The Collection of Russian Historical Society. SPb.: Typography of V. Kirschbaum, 1904. Vol. 118. Political correspondence of Empress Catherine II. Part VII. 1772–1773. P. 450.
26. Stegnyy P. V. The partitions of Poland and the diplomacy of Catherine II: 1772, 1793, 1795. M.: International Relations, 2002. P. 143–150.
27. The Opinion of N. I. Panin, vice-chancellor Osterman and all members of the Secret Expedition of the Collegium of Foreign Affairs regarding the foreign policy of Russia, with the characteristic of the diplomatic relations of England towards the states of the Northern Union. A copy. // Russian Archive of Ancient Acts. F. 1274. Unit 131. P. 31–33
28. Griffiths D. Nikita Panin, Russian diplomacy and American revolution // Griffiths D. Catherine II and her world: the articles of different years. M.: NLO, 2013. P. 447
29. Mal'gin A. V. The Inclusion of Crimea into Russia in the light of motives of Imperial expansion // History and Modernity, 2013, № 1 (17). P. 67–68.

УДК 94

**Территориальная протяженность России
как концепт международной политики:
северная система Никиты Панина (1760–1770-е гг.)**

Константин Дмитриевич Бугров

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация

Пр. Ленина, 51, Екатеринбург, Свердловская область, 620002

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросу о концептуальных основаниях российской политической мысли в ее международном аспекте. Автор доказывает, что российские политики XVIII в. уделяли особое внимание уникальному факту российской территориальной протяженности, который использовался в качестве концептуальной основы для построения особенной модели международной политики для Империи. Примером выступает «Северная система», выстроенная Никитой Паниным, выдающимся сановником при дворе Екатерины II и руководителем российской международной политики с 1764 по 1779 гг. Автор демонстрирует, что Панин считал Российскую империю территориальным гигантом, который не нуждался в дальнейшем расширении границ и поэтому был способен предложить дипломатическую систему, основанную на стабильности, мире и торговле. В этой системе акцент был сделан на совпадении российского дипломатического доминирования и «натуральных интересов» государств Северной и Восточной Европы. Сходные представления об уникальности России в терминах территориальной протяженности позднее станут основой для выдвижения подобных моделей международного регулирования, в которых огромный территориальный размер России рассматривался как предпосылка для роли миротворца, а не экспансиониста.

Ключевые слова: Северная система; международное регулирование; российская дипломатия; Никита Панин; Екатерина II; раздел Польши; экспансия; геополитика; территориальная протяженность.